

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-80-2-95-105

ВОЕННАЯ ЛЕКСИКА В ПОЭЗИИ А. С. ПУШКИНА

© Чжан Юаньцзэ

MILITARY VOCABULARY IN THE POETRY OF ALEXANDER PUSHKIN

Zhang Yuanze

The article studies the characteristic features of military words in the poetry of A. Pushkin. The research is related to the study of military vocabulary and terminology in the language of classical Russian literature of the 19th century. The relevance of the topic is determined by the focus on the linguistic and stylistic resources of poetic speech, in particular the influence of stylistically diverse words on the text. The research is based on A. Pushkin's poetic works dating from 1815 to 1836, presented in a collection of his selected works and a 10-volume complete collection of his works (1950–1951). We selected and analyzed frequent lexemes, related to military topics, using the methods of continuous sampling, contextual analysis and description. To systematize the material, we used the classification of A. Kozhin, which provides the main sections of military vocabulary in the Russian language. In 696 poems by A. Pushkin, military vocabulary was found in 70 works, of which 10 poems were selected for a more detailed analysis. We have established that the military vocabulary in the poems of A. Pushkin includes: a) ranks and positions that are used to convey realistic details of military life and to create satirical images; b) elements of military activity and c) weapons that represent war as an arena of heroism, trials and fateful decisions, but at the same time – as chaos, tragedy and inevitable destruction. In a poetic context, military words acquire an epic and philosophical meaning, revealing the historical stability of Russia and the fate of individuals in the whirlpool of wars and upheavals.

Keywords: poetics, military vocabulary and terminology, poetry of A. Pushkin, stylistics

В статье рассматриваются особенности репрезентации и функционирования военной лексики в поэтических произведениях А. С. Пушкина. Исследование проводится в рамках изучения военной лексики и терминологии в языке классической русской литературы XIX века. Актуальность темы обусловлена вниманием к лингвостилистическим ресурсам поэтической речи, в частности влиянию стилистически разнохарактерных слов на поэтику художественного произведения. Материалом исследования послужили поэтические произведения А. С. Пушкина 1815–1836 гг., представленные в сборнике избранных произведений поэта и 10-томном полном собрании сочинений (1950–1951). На основе методов сплошной выборки, контекстуального анализа и описания были отобраны и проанализированы частотные лексемы (имена существительные), связанные с военной тематикой. За основу систематизации материала была взята классификация А. Н. Кожина, в которой приведены основные разделы военной лексики в русском языке. В 696 изученных стихотворениях А. С. Пушкина военная лексика встретилась в 70 произведениях, из которых 10 стихотворений были отобраны для более подробного и детального анализа. В результате исследования было установлено, что военная лексика (в частности, имена существительные с военной тематикой) в стихотворениях А. С. Пушкина охватывает а) наименования званий и должностей, которые используются как для передачи реалистических деталей военной жизни, так и для создания сатирических и гротескных образов; б) элементы военной деятельности; в) оружие, что представляет войну как арену подвига, испытания и судьбоносных решений, но в то же время – как хаос, трагедию и неизбежное разрушение. В поэтическом контексте военная лексика и терминология приобретают эпический и философский смысл, раскрывая историческую устойчивость России и судьбу отдельных личностей в водовороте войн и потрясений.

Ключевые слова: поэтика, военная лексика и терминология, поэзия А. С. Пушкина, стилистика

Для цитирования: Чжан Юаньцзэ. Военная лексика в поэзии А. С. Пушкина // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 2 (80). С. 95–105. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-80-2-95-105

Творчество А. С. Пушкина охватывает широкий спектр тем, включая темы любви, красоты природы, философских размышлений о жизни и смерти, о гражданском долге, о назначении поэта и поэзии и многие другие. Темы войны, героизма и патриотизма также находят отражение в произведениях поэта, что позволяет говорить о месте военной лексики в лирике автора. Практически каждое слово, связанное с войной, отличается синкретизмом семантики, реализуемым в тесной связи с контекстом произведения.

Несмотря на то что военная тематика не являлась ведущей в произведениях А. С. Пушкина, многие исследователи подчеркивают, что особенно в своем позднем творчестве (например, в повести «Капитанская дочка») А. С. Пушкин обнажал проблемы военной службы в екатерининскую эпоху, показывал основные типы военных людей среди дворянства, казачества и простых солдат [1, с. 66].

Военная лексика в произведениях А. С. Пушкина играет важную роль в создании патриотического настроения и акцентировании темы гражданского долга. Например, в стихотворении «Клеветникам России» (1831) [2, с. 324] автор с гордостью подчеркивает стойкость русского народа и готовность к борьбе за свою Родину. В стихотворении «Полководец» (1835) [Там же, с. 376] А. С. Пушкин обращается к образу военачальника, подчеркивая его стратегическое мышление и героизм. Лексика, связанная с темой героизма, несет большой эмоциональный заряд, усиливающий патриотическую идею. Военные лексические единицы, такие как *битва* или *кровь*, часто имеют аллегорический смысл, подчеркивающий жертвенность и борьбу за высшие ценности.

Невысокая доля военной лексики относительно общего объема текста объясняется осо-

бенностями поэтического стиля А. С. Пушкина, который избегает прямолинейности в описаниях, используя богатую метафорическую систему и намеки.

Методом сплошной выборки из изученных 696 стихотворений А. С. Пушкина мы отобрали 219 единиц, относящихся к военной тематике. Для более подробного анализа нами были рассмотрены произведения, в которых присутствуют образы войны, битвы, подвига. Задача исследования на данном этапе – выявить контекст употребления, частотность и семантическую нагрузку военной лексики.

В качестве базовой классификации, впоследствии расширенной в ходе исследования, нами была использована классификация А. Н. Кожина, в которой приведены следующие разделы военной лексики в русском языке:

- 1) наименования лиц в зависимости от рода боевой деятельности;
- 2) наименования войсковых формирований;
- 3) наименования военных должностей и званий;
- 4) наименования боевой техники и оружия;
- 5) наименования средств поражения;
- 6) наименования тактических понятий боевой деятельности;
- 7) наименования фортификационных сооружений [3].

Из 696 стихотворений А. С. Пушкина военная лексика встретилась в 70 произведениях, из которых мы далее отобрали 10 стихотворений, напрямую связанных с военной тематикой, для более подробного и детального анализа. На диаграмме ниже представлено количественное распределение военной лексики по классификации А. Н. Кожина (рис. 1).

Рис. 1. Диаграмма количественного соотношения военной лексики в стихотворениях А. С. Пушкина, согласно классификации А. Н. Кожина

Диаграмма, представленная на рис. 1, наглядно демонстрирует распределение военной лексики в стихотворениях А.С. Пушкина.

Можно увидеть, что лексика, относящаяся к разделу 4 (наименования боевой техники и оружия), является наиболее часто употребляемой. Разберем данную классификацию более подробно. Ниже представлена диаграмма, отражающая распределение лексики, отнесенной нами в ходе исследования к наименованиям боевой техники и оружия. Наиболее частотными словами в данном разделе являются лексические единицы: **меч** (13 %): «*Стремленье бурных ополчений, / Тревоги стана, звук мечей*» («Война», 1821 [2, с. 165]), «*Блеснул кровавый меч в неукротимой длани*» («Воспоминания в Царском Селе», 1814 [Там же, с. 64]), «*Народы юные, сыны свирепой брани / С мечами на тебя подымут мощны длани*» («Лицинию», 1815 [Там же, с. 79]); **стрела** (5,2 %): «*А царь тем ядом напитал / Свои послушливые стрелы*» («Анчар», 1828 [Там же, с. 284]), «*Смотрите: поражен враждебными стрелами, / С потухшим факелом, с недвижными крылами*» («К Жуковскому», 1816 [Там же, с. 115]); **сабля** (5 %): «*Черна шапка набекрени, / Весь жупан в пыли. / Пистолеты при колене, / Сабля до земли*» («Казак», 1814 [Там же, с. 56]); **щит** (4,5 %): «*В*

стальной рукавице забвенный булат, / И щит под шоломом заржавым» («Сраженный рыцарь», 1815 [Там же, с. 88]), «*Победой прославлено имя твое / Твой щит на вратах Цареграда*» («Песнь о вещем Олеге», 1822 [Там же, с. 186]), «*И троны в прах низвергну я громами / И сокрушу Европы дивный щит!..*» («Наполеон на Эльбе», 1815 [Там же, с. 80]). Кроме того, мы отметили такие единицы, как **шлем**: «*Мимо дротики летали, / Шлема меч не рассекал*» («На Испанию родную...», 1835 [4, с. 335]); **лук**: «*В косматой рысьей шапке, с нуком / Каленых стрел и с верным луком*» («Сто лет минуло», 1828 [Там же, с. 52]); **палаш**: «*И пал на дол кровавый / С булатным палашом*» («Городок», 1815 [2, с. 76]); **копье**: «*Вмиг аминь лихой забаве: / Попадешься на копье*» («Делибаш», 1829 [Там же, с. 299]); **пушка**: «*Пушки с пристани палат, / Кораблю пристать велят*» («Сказка о царе Салтане», 1831 [Там же, с. 632]); **штык**: «*Забыли русской штык и снег, / Погребший славу их в пустыне*» («Бородинская годовщина», 1831 [Там же, с. 326]) и другие.

На рис. 2 показано количественное распределение военной лексики, относящейся к разделу наименований боевой техники и оружия, в стихотворениях А. С. Пушкина.

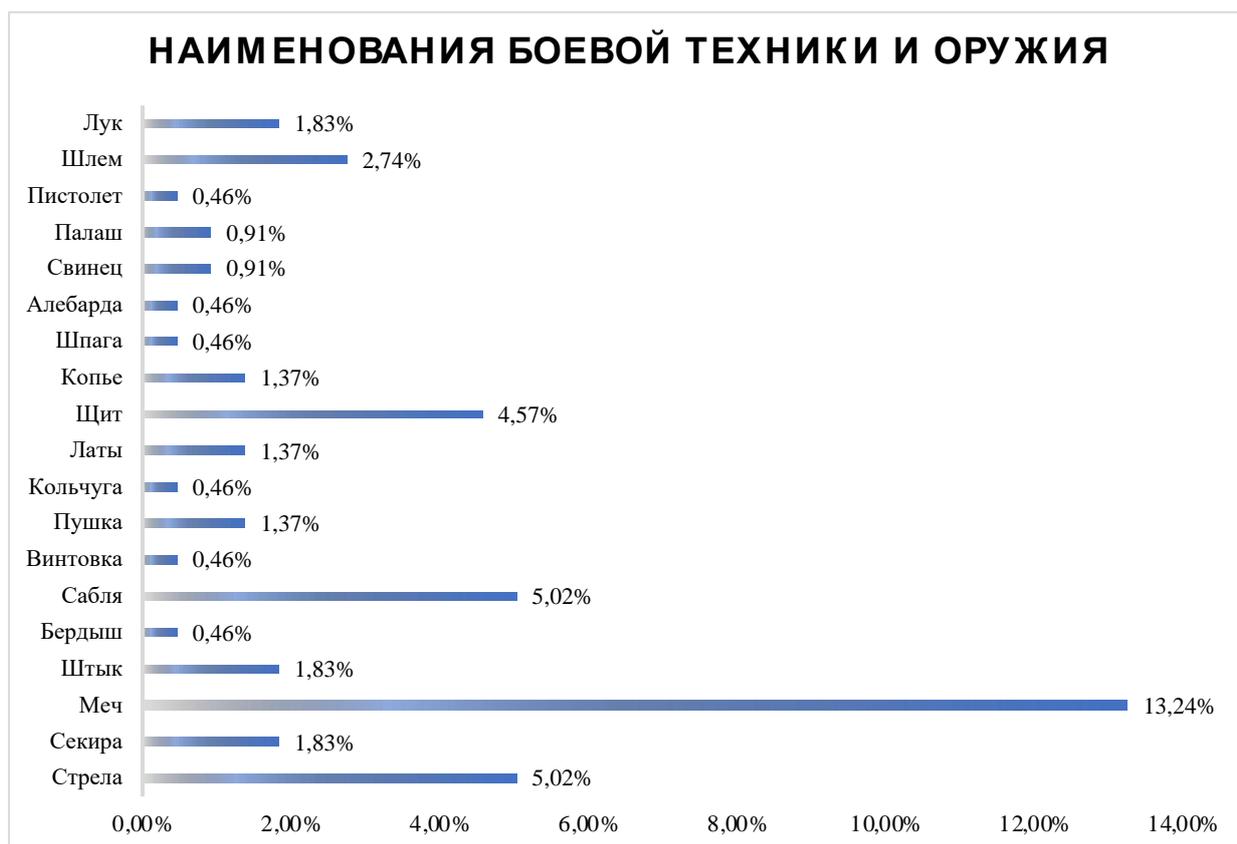

Рис. 2. Количественное распределение военной лексики, относящейся к разделу наименований боевой техники и оружия, в стихотворениях А. С. Пушкина

Лексический анализ данного пласта лексики показывает, что военные термины, отражающие наименования оружия, важны для метафорического образа, создаваемого А. С. Пушкиным. Так, к примеру, в стихотворении «Война» (1821) А. С. Пушкин эмоционально и экспрессивно передает атмосферу сражения. В приведенных строках наблюдается насыщенность военной лексики, что создает напряженную и драматичную картину боя: *«Увижу кровь, увижу праздник мести; / Засвищет вокруг меня губительный свинец / ... / Стремленья бурных ополчений, / Тревоги стана, звук мечей, / ... / Вечерний барабан, гром пушки, визг ядра / И смерти грозной ожиданье»* [Там же, с. 165]. Метонимический образ, создаваемый лексической единицей «свинец», с помощью которого автор показывает пули, летающие вокруг, подчеркивает, что герой оказывается в центре сражения, окруженный смертельной опасностью. Читатель «слышит» свист пуль, благодаря образной лексике («засвищет»), что создает эффект присутствия, погружения в ситуацию, описываемую в строках А. С. Пушкина. В метонимии «звук мечей» автор передает момент перед решающим столкновением, ощущение надвигающейся битвы. В строке *«Вечерний барабан, гром пушки, визг ядра»* мы видим метафору «гром пушки», звукописную образ-

ность «визг ядра», что создает образный подтекст – наступление войны неизбежно, война разразится, как природная стихия. Одновременно с тем, что война в данном произведении воспринимается как ужас, кровь и смерть, нечто, не столько людское, сколько стихийное, природное и неуправляемое (данный смысловой подтекст мы видим в лексических единицах «гром», «роковой огонь», «закипел»), война для героя – еще и праздник (*«увижу праздник мести»*) [Там же].

В стихотворении «Воспоминания в Царском Селе» (1814), написанном молодым поэтом под впечатлением Отечественной войны 1812 года, автор создает масштабные картины сражений и освещает героизм русских воинов. Военная лексика играет ключевую роль в формировании возвышенной интонации стихотворения: *«Блеснул кровавый меч в неукротимой длани; Звучат кольчуги и мечи!..; В сгущенном воздухе с мечами стрелы свищут, / И брызжет кровь на щит; А с тыла гонит русский меч»* [Там же, с. 64, 65, 66]. Военные термины в данных фрагментах выполняют не только описательную, но и символическую функцию, раскрывая темы войны, победы и героизма: «кровавый меч» несет в себе метафорический образ символа войны, насилия и свершившейся расправы, тогда как «неукротимая длань» – характеристика воина, который не под-

дается страху, не ослабевает в бою. Таким образом, перед читателем возникает образ, создаваемый военной лексикой: меч символизирует не только оружие, но и справедливое возмездие, а воины, владеющие им, непобедимы. Лексические единицы «мечи», «кольчуги», «стрелы» подчеркивают мощь сражения, придавая особое внимание военному антуражу. Сочетание оружия ближнего и дальнего боя передает интенсивность сражения, изображает кульминацию битвы, полную хаоса, насилия и смертельной опасности. В образе «русский меч» мы можем видеть символ

военной мощи России, ее силы и победоносности. В строках меч не просто оружие, но знак праведной войны, защиты Отечества и возмездия врагу.

Рассмотрим следующий пласт лексики, относящийся к разделу 2 (наименования войсковых формирований). Данная лексика также представлена достаточно частотно в стихотворениях А. С. Пушкина – 11,4 % упоминаний. На рис. 3 мы можем видеть распределение лексики по частоте ее употребления в стихотворениях.

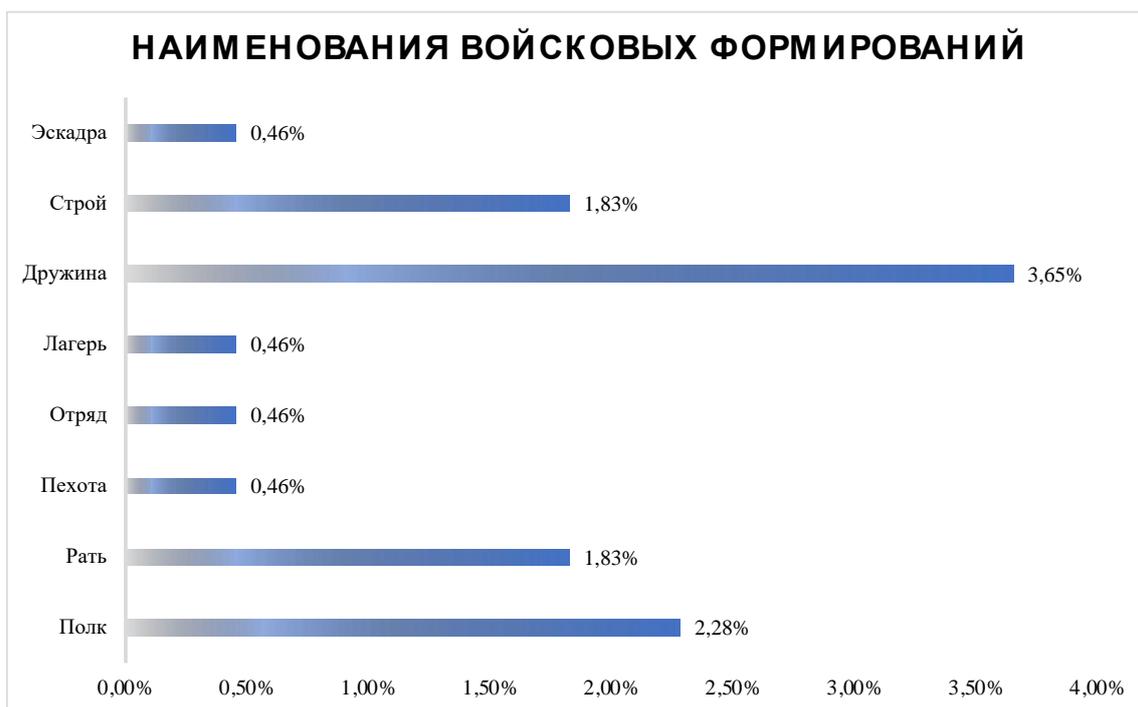

Рис. 3. Количественное распределение военной лексики, относящейся к разделу наименований войсковых формирований, в стихотворениях А. С. Пушкина

Отметим наиболее часто встречаемое слово – **дружина** (3,65 %): «*Вотще впереди знамен бесчисленных дружин*» («Александр», 1815 [5, с. 145]), «*Там ждут меня бесстрашные дружины. / Уже сошлись, уже сомкнуты в строй!*» («Наполеон на Эльбе», 1815 [2, с. 80]), «*Пришла славянская дружина / И развила победы стяг*» («Олегов щит», 1829 [Там же, с. 290]). Также часто встретились следующие военные лексические единицы: **полк** (2,3 %): «*И Польша, как бегущий полк, / Во прах бросает стяг кровавый*» («Бородинская годовщина», 1831 [Там же, с. 326]), «*И заревом московским озарились / Его полкам готовые снега*» («Была пора: наш праздник молодой», 1836 [Там же, с. 394]); **рать** (1,83 %): «*Вы помните: текла за ратью рать, / Со старшими мы братьями прощались*» («Была пора: наш праздник молодой», 1836 [Там же, с. 393]), «*Страшись, о рать иноплеменных!*»

(«Воспоминания в Царском Селе», 1814 [Там же, с. 65]). Кроме того, отметим такие лексические единицы, как: **строй** – «*Там ждут меня бесстрашные дружины / Уже сошлись, уже сомкнуты в строй!*» («Наполеон на Эльбе», 1815 [Там же, с. 80]); **эскадра** – «*Отчего пальба и клики / И эскадра на реке?*» («Пир Петра Первого», 1835 [Там же, с. 384]); **пехота** – «*И тучи конные, брадатая пехота, / И медных пушек светлый ряд*» («Воспоминания в Царском Селе», 1829 [Там же, с. 295]).

Военная лексика в произведениях А. С. Пушкина не только передает реальную картину сражений, но и формирует образы патриотизма, героизма и судьбы человека на войне. В представленных фрагментах («Была пора» (1836) и «Городок» (1815)) встречаются ключевые термины, относящиеся к войсковым формированиям: «*рать*», «*полк*», «*рота*», каждый из которых

несет определенную смысловую нагрузку. Военные термины в данных строках обозначают не просто воинские подразделения, а выступают в качестве символов военной мощи, единства армии, исторической преемственности. Так, в строках «*Вы помните: текла за ратью рать*» [Там же, с. 393], архаизм «*рать*» показывает образ войска как неостановимой силы, а метафоричное сравнение рати с рекой через вербальный символ «*текла*» создает образ непрерывного движения армии, словно реки, несущей воинов в сражение. В строке «*Его полкам готовые снега*» [Там же, с. 394] мы видим упоминание полка – регулярной части армии, организованной по строгой системе, метафору, которая говорит о том, что природа и сама земля России готовы принять полки, свидетельствуя о неизбежности

испытаний. В стихотворении «Городок» (1815) строка «*Вспомнит ту баталью, / Где роты впереди*» [Там же, с. 76] подчеркивает готовность воинов первыми встретить врага, принять на себя удар: «*рота*» идет впереди, символизируя тех, кто первым встречает врага. Таким образом, военная лексика в этих стихотворениях не просто описывает события, а формирует героический и патриотический миф, прославляющий ратные подвиги русского народа.

Пласт лексики, относящийся к разделу 1 (наименования лиц в зависимости от рода боевой деятельности), занимает относительно небольшую часть в стихотворениях А. С. Пушкина – 8,2 %. На диаграмме, представленной на рис. 4, можно увидеть распределение лексики в данном пласте.

Рис. 4. Количественное распределение военной лексики, относящейся к разделу наименований лиц в зависимости от рода боевой деятельности, в стихотворениях А. С. Пушкина

Наиболее часто в данном пласте лексики нам встречалось слово **гусар** (1,83 %): «*Не так ли опытный гусар, / Вербуя рекрута, подносит / Ему веселый Вакха дар*» («Ответ Катенину», 1828 [Там же, с. 285]), «*Уже в воинственном наряде / Гусарской саблею махнул*» («Прощанье», 1817 [Там же, с. 131]). Отметим также такие единицы, как **солдат** (1,37 %): «*И не был беглым он солдатом / Австрийских пудренных дружин*» («Моя родословная», 1830 [Там же, с. 321]), «*Кто идет? – Солдат. / – Это что? – Парад*» («Наброски к замыслу о Фаусте», 1825 [6, с. 308]); **ратник** (1,37 %): «*Ретивы кони бранью пышут, / Усеян ратниками дол*» («Воспоминания в Царском Селе», 1814 [2, с. 65]); **рекрут**

(0,94 %): «*Меж тем как генерал Орлов – / Обри-тый рекрут Гименея*» («В. Л. Давыдову», 1821 [Там же, с. 168]), «*Не так ли опытный гусар, / Вербуя рекрута, подносит / Ему веселый Вакха дар*» («Ответ Катенину», 1828 [Там же, с. 285]); **часовой** (0,91 %): «*Анчар, как грозный часовой, / Стоит – один во всей вселенной*» («Анчар», 1828 [Там же, с. 283]), «*Молчит неверный часовой*» («Вольность», 1817 [Там же, с. 136]).

Военная лексика в поэзии Пушкина нередко приобретает символическое значение, выходя за рамки буквального смысла. В приведенных фрагментах представлены различные наименования лиц в зависимости от рода их боевой деятельности: *часовой, гусар, рекрут, воитель*. Эти

образы выполняют различные художественные функции, варьируясь от метафорических значений до более реалистичных описаний. Рассмотрим, к примеру, строки «*Анчар, как грозный часовой, / Стоит – один во всей вселенной*» («Анчар», 1828 [Там же, с. 283]), здесь в контексте стихотворения часовой, военный, выполняющий охранную функцию, неотлучно стоящий на посту, символизирует сторожа, оберегающего запретную зону, а также олицетворяет опасность и неприступность. Данное ощущение угрозы подчеркивается эпитетом «*грозный*», что усиливает образ смертельности анчара, его разрушительно-го влияния. Сравнение анчара с часовым делает его живым существом, наделенным сознанием, военный контекст в данном случае придает строкам драматизм, создавая образ стража, за которым скрывается смерть. Обратим внимание к другому стихотворению А. С. Пушкина – «К портрету Каверина» (1817). В строках «*На Марсовых полях он грозный был воитель, / Другьям он верный друг, красавицам мучитель, / И всюду он гусар*» [Там же, с. 132] мы видим трехчастную структуру портрета (*воитель – друг – мучитель*), которая создает многослойный образ героя, переданный при помощи военной лексики. Воитель, обобщенный образ воина, представленного в его боевых подвигах, отсылает нас к героической традиции военной лексики, подчеркивая личную доблесть. Гусар же – не просто солдат, а представитель элитного рода войск, известных своим бесстрашием, лихостью, эффектной внешностью и любовными похождениями. Контраст

между образами воителя и гусара строится на противопоставлении строгого и доблестного образа и легкого, игривого, склонного к любовным приключениям. Рассмотрим также строки «*Не так ли опытный гусар, / Вербуя рекрута, подносит / Ему веселый Вакха дар, / Пока воинственный угар / Его на месте не подкосит? / Я сам служивый – мне домой / Пора убраться на покой*» («Ответ Катенину», 1828 [Там же, с. 285]). Здесь мы видим такие лексические элементы, как *гусар, рекрут, служивый*, все эти элементы создают неповторимый метафорический образ, через который поэт выражает свое отношение к поэту Катенину: стихотворение «Ответ Катенину» было написано как некая стихотворная дуэль, ответ Пушкина на балладу «Старая быль». Поэт иронично описывает традиционный военный ритуал рекрутирования, однако подчеркивает его при помощи аллюзий на античную мифологию, что создает контраст с потенциальной суровостью военной жизни. Мы можем с уверенностью утверждать, что военная лексика в поэзии А. С. Пушкина – не просто обозначение социального статуса или профессии, но средство передачи глубоких смыслов, раскрывающее характер, судьбу и внутренний мир героев.

Раздел военной лексики, обозначающей наименования военных должностей и званий, представлен в стихотворениях А. С. Пушкина в 5,9 %. На диаграмме, представленной на рис. 5, можно увидеть детальное распределение данных лексических единиц в стихотворениях.

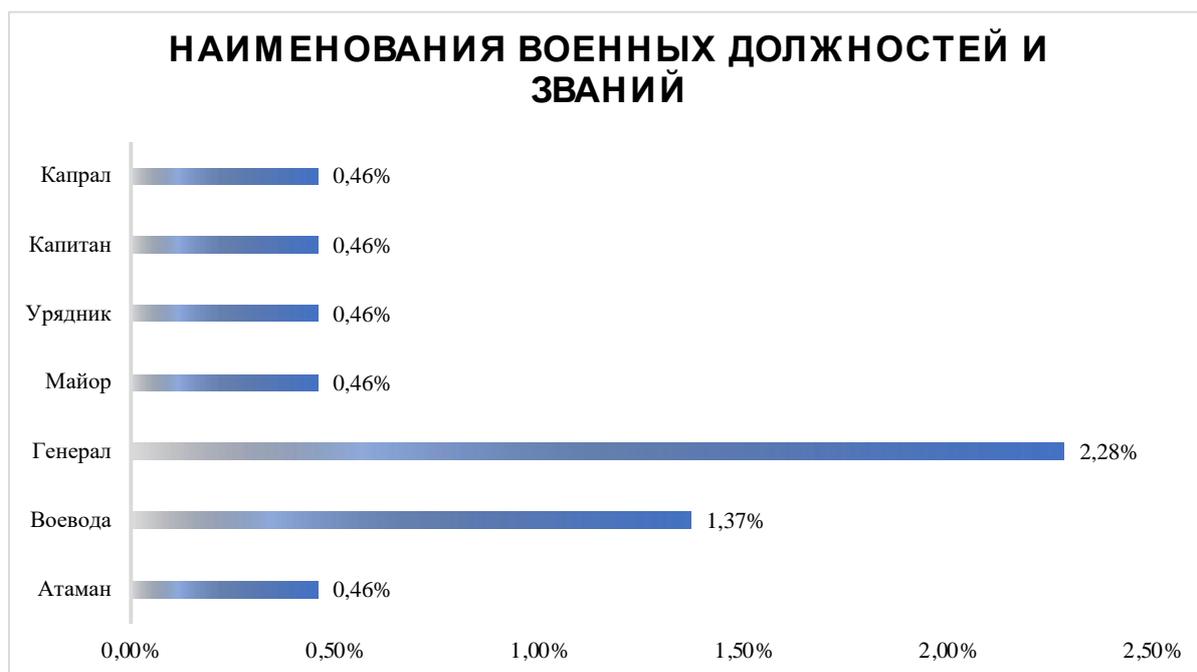

Рис. 5. Количественное распределение военной лексики, относящейся к разделу наименований военных должностей и званий, в стихотворениях А. С. Пушкина

Наиболее часто употребляемым в стихотворениях А. С. Пушкина, как было выявлено в ходе исследования, стала единица **генерал** (2,28 %): «С душою пылкой, откровенной / (Хотя и русской генерал)» («Орлову», 1819 [Там же, с. 146]), «На скучный лад сплетая вздор, / Зовет обедать генерала» («К Галичу», 1815 [5, с. 120]), «– Кто идет? – Солдат. / – Это что? – Парад. – Вот обер капрал, / Унтер генерал» («Наброски к замыслу о Фаусте», 1825 [6, с. 308]). Также часто употребляемым словом указываем **воевода** (1,37 %): «Там дружину свою собирает / Старый сербин, воевода Милош» («Воевода Милош», 1833 [2, с. 364]), «Поздно ночью из похода / Воротился воевода» («Воевода», 1833 [Там же, с. 340]). Отметим также низкочастотные единицы, которые тем не менее несут яркий образ в стихотворениях А. С. Пушкина: **капитан** – «Воспитанный под барабаном, / Наш царь лихим был капитаном» («На Александра I», 1817–1825 [6, с. 364]); **урядник** – «В передовом твоём отряде / Урядник был бы он лихой» («Д. В. Давыдову» (Тебе певцу, тебе герою!..), 1836 [2, с. 286]); **майор** – «Иль добрый мой сосед, / Семидесяти лет, / Уволенный от службы / Майором отставным» («Городок», 1815 [2, с. 76]).

Рассмотрим более детально строки из стихотворения «Наброски к замыслу о Фаусте», 1825: «– Кто идет? – Солдат. / – Это что? – Парад. / – Вот обер капрал, / Унтер генерал» [6, с. 308]. В приведенном фрагменте Пушкин использует военную лексику, обозначающую военные должности и звания: *солдат, обер-капрал, унтер-генерал*. Эти слова не только обозначают конкретные чины и должности, но и создают комический и сатирический эффект, характерный для иронических сцен. Военная терминология здесь подается в неожиданном, пародийном ключе, поскольку сочетание «*обер капрал*» и «*унтер генерал*» не соответствует реальной военной иерархии. В данном контексте слово «*солдат*», обозначающее рядового военного, употребляется буквально, но в сочетании с дальнейшими строками становится частью гротескной сцены. Капрал – низший унтер-офицерский чин,

командующий небольшим подразделением, тогда как приставка «*обер-*» (от нем. *ober* ‘верхний’) обычно означает более высокий ранг (например, «*обер-лейтенант*»). Однако сочетание «*обер капрал*» звучит абсурдно, поскольку капрал и так находится на низком уровне командования, и частицей усиления «*обер*» выглядит комическим оксюмороном. Слово «*унтер*» (от нем. *unter* ‘нижний’) используется для обозначения унтер-офицерского состава, то есть более низкого по рангу. Однако «*унтер генерал*» – ироничная, намеренно нелепая конструкция. Таким образом, в данном стихотворении мы видим языковую деформацию военной терминологии, когда мастерски создается сатирический, гротескный эффект. Интересной является и структура данного фрагмента: первая часть («– Кто идет? – Солдат. / – Это что? – Парад») напоминает военный доклад или дежурный рапорт, передающий формальность и механистичность военного строя; в то же время вторая часть («Вот обер капрал, / Унтер генерал») разрушает этот строй комическим несоответствием титулов, превращая сцену в грубоватую сатиру. Пушкин в данных строках иронизирует над военной системой, представляя ее как наполненную нелепыми званиями, бюрократическими абсурдностями и искусственными чинами. Военные чины превращаются в пародию на самих себя, где границы между низшим и высшим размыты. В такой иерархии абсурдность достигает предела, поскольку создается иллюзия существования нелогичных титулов, подчеркивающая бессмысленность бюрократических систем.

Стоит отметить, что в ходе исследования нами была выделена лексика военной направленности, не соотносящаяся, однако, с классификацией А. Н. Кожина. Данную лексику мы объединили в раздел общей военной лексики, и она представлена в 28,3 % от общего числа военных лексических единиц в стихотворениях А. С. Пушкина. На рис. 6 можно увидеть детальное распределение данной лексики в процентном соотношении.

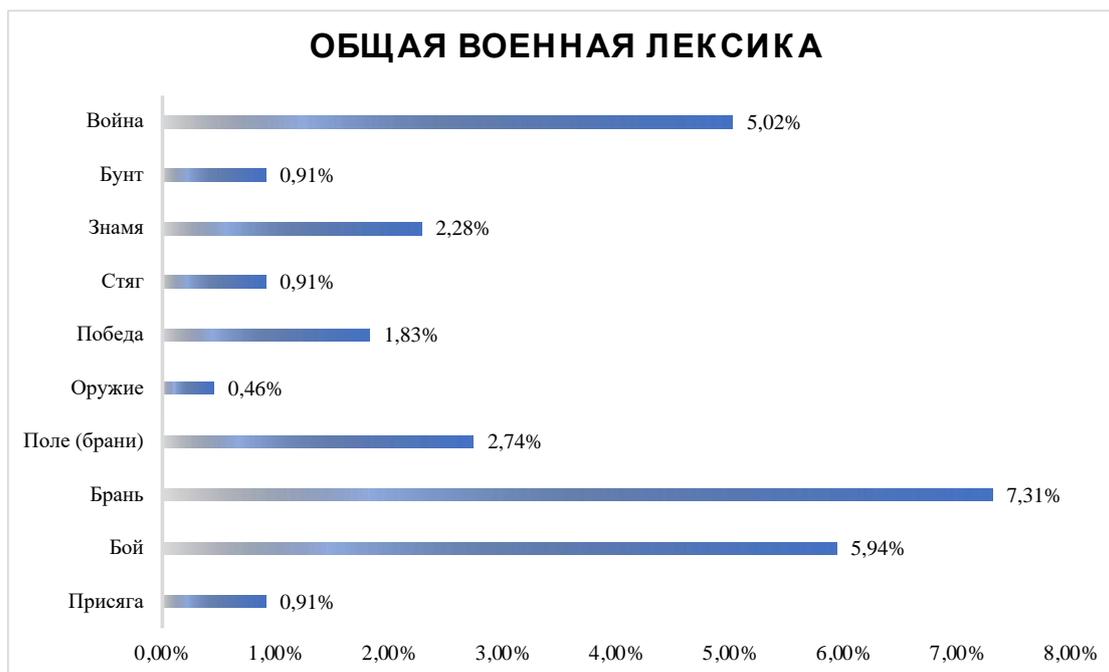

Рис. 6. Количественное распределение военной лексики, относящейся к разделу общей военной лексики, в стихотворениях А.С. Пушкина

Наиболее часто упоминаемым является слово **брань** (7,31 %), данное слово является архаичным обозначением войны, боя в целом: «Трепещет бранью грудь моя, / При блеске бранного булата» («Послание к Юдину», 1815 [2, с. 103]), «С Жуковским пой кроваву брань / И грозну смерть на ратном поле. / И ты в строях ее встречал» («К Батюшкову», 1814 [Там же, с. 62]). Также частотными являются слова **бой** (5,94 %): «Не бросайся в бой кровавый / С карабахскою толпой!» («Из Гафиза», 1829 [Там же, с. 290]), «И бранны вьются знамена, / И пышет бой кровавый – / Прелестна сердцу тишина; / Нейду, нейду за Славой» («Мечтатель», 1817 [Там же, с. 84]); **война** (5,02 %): «Сильна ли Русь? Война, и мор, / И бунт, и внешних бурь напор / Ее, беснуясь, потрясали – / Смотрите ж: все стоит она!» («Бородинская годовщина», 1831 [Там же, с. 327]), «Война! Подъяты наконец, / Шумят знамены бранной чести!» («Война», 1821 [Там же, с. 165]).

Военная лексика у Пушкина – мощный выразительный инструмент, передающий пафос, трагизм, драматизм и даже глубокие философские размышления о судьбе народа, героя и самой истории. В строках поэта используются общие военные понятия – война, поле брани, брань, знамя, присяга, которые наполняются разными смыслами в зависимости от контекста. Рассмотрим более детально фрагменты отобранных стихотворений. «Война! Подъяты наконец, / Шумят знамены бранной чести! / ... / И ты, и ты, любовь!.. Ужель ни бранный шум, / Ни ратные труды, ни

ропот гордой славы, / Ничто не заглушит моих привычных дум? / ... / Что ж медлит ужас боевой? / Что ж битва первая еще не закипела?» [Там же, с. 165] – данные строки принадлежат стихотворению «Война» (1821), и здесь с самого первого восклицания мы видим образ войны как величественного, трагического события. Это не просто сообщение о начале военных действий, а торжественное провозглашение, символизирующее движение истории и пробуждение народной силы. Слово приобретает высокий, эпический смысл, подчеркивая, что война – неизбежный акт судьбы. «Шумят знамены» – метафорическое выражение, в котором знамя через метафору, через олицетворение становится активным участником события с помощью необычного глагольного употребления «шумят». Метафорически знамена возвещают о начале войны. Война сама по себе разрушительна, но здесь она облечена в идею героизма с помощью оксюморона «бранная честь». «Ужас боевой» – метафора, подчеркивающая, что война – это не только честь и доблесть, но и страх, смерть, разрушение. Двукратный повтор риторического вопроса («Что ж медлит ужас боевой? / Что ж битва первая еще не закипела?») создает эффект нервного ожидания, словно герой вглядывается в горизонт. Обратимся также к стихотворению «Бородинская годовщина» (1831) и к следующим строкам: «Сильна ли Русь? Война, и мор, / И бунт, и внешних бурь напор / Ее, беснуясь, потрясали – / Смотрите ж: все стоит она!» [Там же, с. 327]. Здесь военная лексика используется для демон-

страции не разрушительной, а созидательной силы: войны, эпидемии, бунты не смогли сломить Россию, она остается непоколебимой. Это патристический пафос, обоснованный через ряд испытаний. «Война, и мор, и бунт» – перечисление в градации усиливает впечатление о череде испытаний, с которыми сталкивается Россия, и все завершается аллегорическим «Смотрите ж: все стоит она!», подчеркивающим идею непобедимости России. Во фрагменте стихотворения «Андрей Шень» (1825): «Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу / Я слышал братский их обет, / Великодушную присягу / ... / И вновь твои враги падут» [Там же, с. 231, 232] – мы видим, как поэт подчеркивает высокие идеалы воинского долга, но все же этот фрагмент по своему метафорическому образу шире, речь идет не только о битве, но и о внутренней верности идеалам, о братстве и жертве. «Гражданская отвага» подчеркивает храбрость не только в военном, но и в общественном смысле, а эпитет «великодушная» делает присягу не просто формальным актом, а благородным поступком.

Анализ военной лексики в поэзии А. С. Пушкина позволяет выявить ее многоуровневую художественную функцию, выходящую далеко за пределы номинального обозначения военных реалий. Военная терминология в его стихотворениях не только передает историко-культурный контекст эпохи, но и становится важным стилистическим средством для выражения пафоса, трагизма, сатиры, героического эпоса и даже философских размышлений о судьбе человека, войне и государстве.

Военная лексика в стихотворениях Пушкина охватывает различные аспекты, включая наименования званий и должностей (генерал, капрал, унтер-офицер, гусар, воитель, часовой), которые используются как для передачи реалистических деталей военной жизни, так и для создания сатирических и гротескных эффектов, военную деятельность и оружие (брань, бой, война, знамя, поле брани, ратные труды), представляющие войну как арену подвига, испытания и судьбоносных решений, но в то же время – как хаос, трагедию и неизбежное разрушение. В поэтическом контексте такие слова приобретают эпический и философский смысл, раскрывая историческую устойчивость России и судьбу отдельных личностей в водовороте войн и потрясений.

Стилистически военная лексика Пушкина варьируется от высокого героического стиля до иронических и сатирических интонаций, что отражает его многогранный взгляд на войну: она может быть подвигом, разрушением, фарсом, неизбежностью.

Таким образом, военная лексика в поэзии Пушкина выполняет многообразные функции: она формирует образы героев, создает масштабные исторические картины, подчеркивает внутреннюю драму личности и даже становится инструментом сатирического осмысления военной действительности. Семантическое богатство и стилистическая многогранность делают ее неотъемлемой частью пушкинского художественного мира, в котором война выступает не только как исторический феномен, но и как философская категория, отражающая судьбы людей и народов.

Список источников

1. Кошчиенко И. В. «Мы в фортеции живем...»: военный человек у А. С. Пушкина (на примере эпиграфов романа «Капитанская дочка») // Вестник Псковского государственного университета. 2011. № 13. С. 61–67.
2. Пушкин А. С. Избранные сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Худож. лит., 1978. 751 с.
3. Кожин А. Н. Великая Отечественная война и русский язык // Русский язык в школе. 1975. № 2. С. 3–9.
4. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. 1950–1951. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР. Т. 3. 551 с.
5. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. 1950–1951. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР. Т. 1. 527 с.
6. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. 1950–1951. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР. Т. 2. 463 с.

References

1. Koshchienko, I. V. (2011). "My v fortetsii zhivem...": voennyi chelovek u A. S. Pushkina (na primere epigrafov romana "Kapitanskaya dochka") ["We live in a fort...": A Military Man in A. S. Pushkin's Works (based on the epigraphs of the novel "The Captain's Daughter")]. Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. No.13, pp. 61–67. Pskov. (In Russian)
2. Pushkin, A. S. (1978). *Izbrannye sochineniya v dvukh tomakh* [Selected Works in Two Volumes]. T. 1, 751 p. Moscow, Khudozh lit. (In Russian)
3. Kozhin, A. N. (1975). *Velikaya Otechestvennaya voina i russkii yazyk* [The Great Patriotic War and the Russian Language]. *Russkii yazyk v shkole*. No. 2, pp. 3–9. Moscow. (In Russian)
4. Pushkin, A. S. (1950). *Polnoe sobranie sochinenii v desyati tomakh* [Complete Works in Ten Volumes]. T. 3. 551 p. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian)
5. Pushkin, A. S. (1950). *Polnoe sobranie sochinenii v desyati tomakh* [Complete Works in Ten

Volumes]. Т. 1. 527 p. Moscow, Leningrad, izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian)

6. Pushkin, A. S. (1950). *Polnoe sobranie sochinenii v desyati tomakh* [Complete Works in Ten

Volumes]. Т. 2. 463 p. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian)

The article was submitted on 04.03.2025

Поступила в редакцию 04.03.2025

Чжан Юаньцэ,

аспирант,

Казанский федеральный университет,

420008, Россия, Казань,

Кремлевская, 18.

zhangyuanze999@163.com

Zhang Yuanze,

graduate student,

Kazan Federal University,

18 Kremlyovskaya Str.,

Kazan, 420008, Russian Federation.

zhangyuanze999@163.com